

БЫЛО –НЕ БЫЛО

Драматическая пьеса для одного контуженного (ОН)

(40 лет),

Одной жрицы любви, (ОНА)

Генерала ФСБ (35 лет),

и двух педиков (20-25 лет).

ОН – расхаживает на бетонном постаменте, внизу двое молодых людей – привязаны друг к другу спинами – на стульях и с кляпами.

ОН. Теперь всё ясно – ОНА фээсбэшница. Так развести меня, известного маньяка.

А теперь? Что теперь? Товарищ майор! Сегодня годовщина нашей свадьбы, и должен вам сказать, что сосёте вы бесподобно.

ОНА.

Нет, это ужасно

ОН. Это точно. Нынешние режиссёры настолько тупы, что просто никто не возьмётся это ставить.

ОНА. А сегодня же пришла нам какая-то идея, милый пора собираться в дорогу, а денег как не было, так и нет.

ОН. Какая ещё идея?

ОНА. Милый, но я не помню.

ОН. Может, это детишки нас развеселили? ОН – хлопает ушами, но у него вид ангела, ОНА – прыгает в бассейн без воды, и орёт матом.

ОНА. Всё, я, наверное, поеду одна – всё, что ты сейчас сказал – это детская порнография. Маньяк.

Ебутся

ОНА. Ну, и что ты хотел этим сказать?

ОН. Ты как будто и не собиралась отдаваться. Это издевательство. Раз объявила себя музой, люби меня.

ОНА. Я люблю тебя. Но ты – маньяк.

ОН. Если дети нас вдохновили, то это ещё не значит, что можно горячо любимого мужчину сразу заподозривать. Как правильно сказать?

ОНА. Распедриловать. Валяй дальше.

ОН. Ну вот. О чём Я?!

ОНА. О деньгах.

ОН. Ну вот. То есть думать, что он педофил.

ОНА. Ну и что? Всё бывает. А может, я тебя хоть попробую, но всё же понять.

Ебутся

ОН. Интересно, откуда такая прыть. Ты, кажется, что-то почувствовала. Так что за идея?

ОНА. Тебя возбудила трёхлетняя девочка, которая, пропустив вперед моего трёхлетнего сына, разделась догола и полезла в ванную.

ОН. То, что она меня возбудила – это абсурд, но вот в её возрасте, вернее, в возрасте твоего сына, я только об ебле и думал. Ты как?

ОНА. Я больше не могу.

ОН. Вот это да. Может мне сходить к этому, как его...

ОНА. К хирургу.

ОН. Ну да. Давича такой треск стоял, вот в народе, правильно мыслят в народе - с дуру можно и хуй сломать. Аминь.
Твоя подружка – лесбиянка, слышала, пока ты дрыхнула – от страха, что я прямо в твоей квартире загнусь, я колол себе обезболивающее (это был баралгин, не ссы, Маруся), а она четыре раза чуть не падала в обморок, какой я, бля, герой.

ОНА. НЕ смей её называть моей подружкой лесбиянкой, она твоя американская дочь.

И все наши отношения состроил ты.

ОН. Ну и что, хреново живём?

ОНА. Нет, спасибо, очень даже ничего.

ОН. Вот и я говорю. А что до детей – я говорил именно об этом аспекте нашей жизни – так вот, я в их возрасте только об ебле и думал. У нас была музыкальный работник, как щас помню – Людмила, так вот, я, и Алик Григорьев – просто мечтали что-либо с неё поиметь, но как это сделать – нам было неизвестно, ибо это были времена тех, кто позу раком пел, как «коленно-локтевую позицию». Алик ещё жив, но скоро загнётся, ибо употребляет тяжелые наркотики, я употребляю всё подряд, но в легкую, вот видишь, процветаю – то тихо, то громко.
Огонь и воду мы уже прошли, а под медные трубы я, как есть, загнусь.

А ты, подруга? Ты о чём думала в трёхлетнем возрасте?

ОНА. Ну, уж точно не об ебле.

ОН. Всё ясно. Стучала.

ОНА. Да пошёл ты.

ОН. Точно. ФСБ-шница.

ОНА. Постой, что-то знакомое. До боли в ушах. ДО судорог в скулах. А! Точно. Все твои последние сценарии про то, что я – ФСБшница, а если действие в штатах – то ЦРУшница, а ежели где ещё – просто – НИКИТА.

ОН. Но если это так, что ж теперь поделаешь. Я подставлю этим спецслужбам памятник, но влюбилась ты – по заданию разведки. Точно!

ОНА. А если дело не касается сценариев, то я просто – блядь.

ОН. Это потому что, как только в пользу того, что ты действуешь по заданию, то глупо шутишь. Погоди, детка, я думаю.

ОНА. Животное.

Ебутся

ОН. Круг замкнулся. Спецслужбы тебя прислали, что бы быть воспетыми. Потому что не по заданию, а так – таких баб, как ты – не бывает.

ОНА. Каких таких баб?!

ОН. Роскошных.

Она ему отдаётся – якобы из последних сил.

ОН. Всё. Груня, пирамидону. У вас там, в штабе армии, все такие? Я, свободный художник, случайно оказываюсь в этом кабаке, и якобы случайно там оказываешься ты. Так не бывает.

ОНА. А я молилась.

Когда мне исполнилось сорок, я увеличил шрифт своего ящика с 20 на 22;

Я сказал ей, что она обыкновенная баба, и таких, как она – миллионы; но ту уже спала, и ни черта не слышала.

Потом я раздумал это сказать, и было ещё не поздно, и я сказал – правда за 30 минут до этого,

Что, мол, это мои ангелы заставляют меня шевелиться, они говорят: вставай, так что если и дьявол запускает через тебя яд в моё сердце, то оно – все едино, божье попущение, так что не стоит роптать на судьбу;

Когда 20 июля 19, пардон, 2001 года, я бросил курить. А потом прослушал от одного модного московского литератора лекцию о пользе курения, а об анаше и говорить нечего,

Но курил табак уже безо всякого удовольствия, именно потому, что бросил,

Я вытащил свой старый сценарий 1993 года – вот он

(СЦЕНАРИЙ).

Я ПИШУ СЕЙЧАС В ПОЛНОЙ ТЕМНОТЕ, ИБО заранее вру – нет, не в полной, ибо я сейчас только что откушал двумя видами икры с шампанским «Абрау Дюрсо», и ты сидела напротив, а теперь дрыхнешь через мгновение, а ровно восемь лет назад я так и не сыграл Шервинского, но полгода его репетировал, только для того, что бы сказать тогда, в ...»Скверное винишко», и прицепить к поясу фамильный кинжал, ибо им рубили чеченов;

На свои сорок лет я говорил всем, что завязываю с литературой, и ухожу в чистую музыку, и главная идея – научить Новой Книге наших друзей = китов и дельфинов, ибо дебилы учат их распознавать дурацкие цвета и бездарные звуки, а они давно уже признали нас – вот мы самые гнилые интервенты,

И как-то раз, поевши на волжском берегу питерских поганок я отчетливо это понял – мы тут – зараза, ибо каждый пролетающий лист в этом мире – летающая тарелка, только местная;

И мы глумимся над дельфинами, обвязывая их тратилом, и обманом делая из них безбожников только потому, что сами уверены, что у них нпету Бога?! А кто всё это сказал?!

Папа ваш – Студебеккер?!

Или неужели они сами на такое способны?

В эти сорок лет один знакомый московский литератор всё спрашивал меня:

Что ты чувствуешь?

Он уже познал его. И его жизнь круто переменилась – он решил узнать, что будет с моей. В том числе и жизнью, а может – и потенцией.

Сначала с сказал, что не чувствую ничего а потом подумал: всё когда-то в первый раз – и любовь, и покойник, и предательство, и измена, и смерть, и т.д.

И, вранье. Особенно, когда сплошное.

Потом я ушел спать, но не заснул, потому что вспомнил собственные слова, сказанные , как на тех плывущих часах Дали – ровно за полчаса:

Всё нормально, я сам виноват, что все эти сорок лет изговлял из себя супермена от страха оказаться в идиотском положении (когда-нибудь, да накрывало);

Так что если и есть это, во все времена богемное:

«Ах, как мне наплевали в душу, и я беременна, как гимназистка, - в пору хоть отправиться за отцом Эрнстом тем же способом, и почти уже было, кстати, (Хемигнузем, если кто не врубается, дамы и господа):

и весь этот литературно –музыкально – театральное –фестивально – спортивно – собачий бабий промысел;

от которого уже отнялись ноги, разрывается сердце, отказывает желудок, агонирует печень, а уж что с мозгами – так это после стольких контузий они хотя бы не изменили образ своих мыслей, но это – тоже цитата из себя самого, а пьеса называлась «История одного кризиса», и её поела всякая разная цензура;

(хотя всплывают воспоминания, как я думал – давно утраченные, вот, ага всплыли, откуда столько!? Кто этот нарко дилер, детка?)

Да вот ещё что:

Стал прогрессировать этот идиотский дар предвидения, то есть вдруг прояснилось абсолютно всё, тетки стали прозрачнее стекла, со всеми своими мечтами и мыслями о сексе, что дремлют на глубине этого всевидящего ОКА, да такой степени, что я (правда, такое было и раньше), вообще не захотел знать, кто я вообще такой.

(Даже в миру).

В день своего рождения я читал «Фортуна» М.И Цветаевой всему плацкартному вагону : 6 поездла ; 17, я был пьян, постоянно забывал текст (такого раньше почти не было, даже тогда, в году этак 89-м,

когда мне прямо на спеколакле кореш отстрелил левую ногу, ибо мы не заметили друг другу после первого акта, ибо перед этим обкурились у мен в гримёрке тем, чего не может быть, так вот, я даже тогда этот текст не забыл.

Заметьте, дамы и господа, плацкартный вагон, то есть вечное движение, и если ты даже в батистовых портянках, но всё равно —с народом, и он тебя, может, и любит, но предпочитает держаться от тебя подальше, если может, потому что слишком тяжкий у тебя взгляд, дорогой – мужчины чувствуют, что перед ними явный психопат, «то же и официантки», А ты, разумеется, ты хоть и обезножил, но крылами машешь – как будто вот-вот, и полетишь. (Ворон ты, или всё еще орел – со стороны видней, но каждый день – по разному, ибо как последний.

И много, много всяких обид на этот свет, ибо того никто не видел, но можно предполагать – многие уверены, что там – настоящая жизнь, а по мне – если она такая, как в сна, прости Господи, лучше бы тащиться по этой Вселенной так, как я сам себе придумал – ибо временами ясно становится, как Там, только боишься себе в этом признаться, ибо дальше – только испытания. А они уже во где

(показывает на гриве).

Дня Через три я увидел дьявольские наезды в купе, помолясь, я обнаружил, что действительно, не хочу курить, если я уж действительно бросил курить, то могу отвязаться от всего остального, а что до морали, всем, что с этим связанного, так в некоторых интервью я уже обмолвился, что, мол, если уж мы все и христиане, то с явным буддийским уклоном, ибо «будь не привязан», и собственное, только что пришедшее:

Чем больше точек соприкосновения, тем богаче палитра этой любви, ни к Богу, ни к детям, ни собаке, ни к кошке, даже если она сама по себе, и потому заслуживает наибольшего уважения (речь идёт, разумеется, о котах, которых, разумеется, если есть, то крайне мало, (не в избытке, которую нам дарит природа – это и есть жизнь, по мнению прагматиков*), у остальных помойки самые банальные – среди нет гениев гармонии;

А к женщине, а дальше, как песне поётся – «умирай».

В фольклоре – хоть стой, хоть падай.

И поскольку именно на этом феномене завязано всё, что мы слышим, видим и осязаем в искусстве, то именно данный припадок, от которого тётки млеют, а дядьки грызут собственный уголовный кодекс.

Так что в этой политре любви, если точки соприкосновения идут на убыль, то и делать не хрена – пора лечиться, а лекарства нет. Господь не дал противоядия от того, что островельтяне называют «муки любви».

Коротко и ясно.

(Бросается на неё, но по пути хватается за сердце и падает в койку, ибо видит, что она уже давно спит, и душу он изливал – в никуда)

Картина третья.

Кабинет генерала ФСБ.

ОНА стоит в форме «старшего» капитана у окна, нервно курит,

За столом сидит генерал, любезно улыбается ЕМУ, ОН стоит у входа, похожий на вечно обосранного Брюса Виллиса в его «Крепком орешке №».

Возможно, его даже держат.

ОН. Ебутся.

ГЕНЕРАЛ. Не понял.

ОН. Ебетесь, вот что! Стихи есть такие у Ивана Семенова Баркова, в драматической пьесе «Ебимуд».

(Вбегает). О, Боги! Они ебутся здесь!

Или «днесь». Ни хуя не помню.

ОНА. Прекрати материться, не на сцене.

Генерал делает жест своим зомбированным, бля! Помощникам, те уходят под марш этого. Как его? Бенсона. «Динорах, Динорах».

Да, но это не марш, ну, хрен с ним, все равно ж – история-то про любовь, иначе вся эта затея с идеей покинуть все шмотки в ЕЁ машину, и удрать из этой гребаный страны, где каждый мент отныне – президент, - вместе с НЕЙ, хотя прекрасно знаешь, что доедешь в аккурат до какой-нибудь граница, а потом в голубое стекло сунет рожу этот...).

ГЕНЕРАЛ. Да уж, товарищ драматург. Известный драматург. А материтесь. Не хорошо. Хотя, вот тут написано, драматург вы сидевший. *(Хватает руками уши)*.

ОН *(ей)*. Нет, ты мне сначала скажи, ебётесь вы. Днесь, то есть здесь, или нет?

(Встаёт перед ней на колени. Даже падает. Просто валится)

Скажи, что нет. Пожалей ты этого уroda.

ОНА. Которого?!

ОН. Вон, его, -

(показывает не генерала).

Картина четвёртая.

«Приход – уход – приход».

ОН стоит с чемоданами и с сигаретой в зубах.

ОНА. Ты ж бросил?

ОН. Я уже до этого тышшу раз бросал.

ОНА. А вот я – знаешь я какая?

ОН. Знаю.

ОНА. Ни хрена ты не знаешь. Если всё, так всё. Залезаю в раковину. Превращаюсь в статую.

ОН. Да, тебе повезло. А знаешь, тебе действительно повезло.

(Вынимает из партмане мужские трусы, довольно дорогие.)

Знаешь, за что Отелло задушил Дездемону? За трусы, пардон...

(Подходит кошка трётся о его ногу, тот пихает её, та с криком летит в коридор).

Всё, Муся, всё я сказал! Ты больше не будешь любоваться моим членом, и мурлыкать на своём кошачьем языке!!!

ОНА. Ты что-то хотел сказать. На прощание.

ОН. Да! Тебя от удушения сейчас спасает только это грёбаное законодательство, что за блядство нельзя никого задушить.

ОНА. Между прочим, Отелло был генералом.

Тут из её глаз исходит зелёный прожектор, и он, дважды перевернувшись в воздухе, бросается на неё, с криком:

ОН. Ах ты, чёрт, шпийка моя!!!

ОНА. Стоп! Ты веришь мне?!

ОН. Нет!!! Только самый последний идиот может, дожив до сорока, сломать себе член и поверить женщине!

Ебутся

Картина пятая

«ФСБ».

ОН (ей).

Пусть он уйдёт. Пусть свалит, иначе ему никакая скорая помощь не поможет.

ОНА (генералу).

Вася, уйди.

ГЕНЕРАЛ (*в панике*). То есть как, Муся? Это ж мой кабинет. Я, в конце концов, могу вызвать милицию. Или это, как его, расскажу маме с папой, и тогда им – *точно* – только в колумбарий. А! Муся, ты меня вдохновляешь!!!

(скачет лизгинку, выбрасывается в окно, под сколь ЕГО изумлённым взглядом, и столь ЕЁ равнодушным).

ОН (*обнимает её, ебутся прямо на подоконнике*). Знаешь, мне его даже немного жаль. Смотри, как ударилась его башка об асфальт, как раскололся его ни хрена не арийский череп, обрати внимание, детка, на мой – истинно арийский, и скоро мы выгоним из России всех черножопых, и заживём, как люди, пусть работают одни евреи.

Смотри, детка, он умер, и сразу обоссался, наверное, как собирался отойти в заднюю комнату, погадить, почитать какую-нибудь детскую порнографию, смотри, как черти берут его за португею, и тащат на самое дно, а теперь ответь мне: ебёшься ты с ним, или нет?! Осквернила ли ты своё драгоценное лоно этим Наполеоном с ничтожной писей – вон её уже глотает соседская болонка, и даже не подавилась?!

ОН. Нет. Не было. И не будет.

(Долго набирает слюну, смачно плюет в окно).

Веришь мне?!

ОН. Нееееет!!!

Орет вниз, с жалостью:

На самом деле ты не ангел, и потому не умеешь летать, ну а я - гений гармонии, со всеми сущими и присущими, так устроен человек.

Однако у каждого свой трамплин, дорогой генерал – в преисподнюю.

В этом мире по-настоящему счастлив может быть только художник, но если и с комплексом, то полноценности – это и есть гений гармонии.

Аминь.

Картина седьмая.

ОНА. Может, лучше про педиков?

ОН. Как, опять? Ты опять встречалась с этими долбанными педиками?!

ОНА. Да никакие они не педики, педики – это у твоей американской дочери.

ОН. Вы же любите друг друга?!

ОНА. Мы любим тебя, дурак.

Ебутся

ОН. Так, в чём дело?

ОНА. Ты о чём?

ОН. О новом повороте твоих склонностей – что это значит – не педики ОНИ?!

ОНА. Ну, они...

ОН. Всё, подружка. Подвела ты парней под монастырь. Судьба у них, видно, такая.

Картина восьмая.

Те же, без генерала, ОНА привязана к двум Алёшам, и всех во ртах – по кляну, над парнями видны следы издевательств – ожоги от утюгов, у каждого в ушах обломки паяльников, и т.д.

он ходит с сигарой, в джазовых подтяжках, с огромным пулемётом, и палит во все углы.

ОН. Ну, поебётесь вы у меня теперь!

Картина шестая

Те же, без остальных.

ОН. Это, вообще, нереально. Уж если фантастика, то пусть в ней хотя бы будет хоть какая-то реальность. Пусть и в этом ебаном социализме или капитализме будет прогрессизм, должна же быть хоть какая-то точка опоры, хоть один, да протёз, хоть вторая, да хоть толчковая. Но нельзя же так!!!

Что б ты, да под кондиционерами, здоровая, казённая бабёха, и не раскорачилась с этим своим непосредственным начальником, хрен бы побрал эту субординацию, девочка моя, как же тебе хреново живется – твоё сердце рвется на части – между погонами, а значит долгом, и вдохновением, а значит голым воздухом, в котором нет ничего, кроме вдохновения, а на хрена оно?

ОНА идёт в сортир, несёт контактную клизму, и попадает ему точно в голову – ОН почти умирает.

ОНА (рыдает по нём). Синеглазенький!

ОН. Сорок первый, господи.

Таращится на неё, отползает.

ОН. Ведьма!

ОНА. Раздвинь мне ноги, Сальвадор!

Ебутся

Картина 9.

«Динорах, Динорах

ОН. Помнишь ту музыку, что я привёз тебе?!

- _____

Висит пиджак, из него извлекается батарея презервативов.

Ты – самая крутая из виртуальных, но вначале, я просто думал, что ты – ебутся хочешь, а ты тонкая.

ОНА. Ты себя хоть раз видел со спины?

ОН. В зеркало.

ОНА. НЕ верь зеркалам.

ОН. А мы не в лимузине, дорогая, руль у нас не правый, зато движение – правостороннее. Это только в США права не дают, если ты себе башку не открутил, а у нас - в зеркала-то всё и видно.

ШЕШ-БЕШ

ОН. В этом кабаке скоро повысят цены.

ОНА. Ой, не надо. Сделай так, чтоб понизили.

ОН. Извини, дорогая, не могу.

(Меди тирует на меню)

Пока не положишь мне руку на член, ничего не получится.

ОНА. Может сразу отсосать? Ты только свистни.

Подходит генерал ФСБ в форме ФСБ с полотенцем наперевес с двумя юношами которые постоянно щупают его за задницу тот вяло отбивается.

ГЕНЕРАЛ. Администрация вручает вам курортную карту в китовый заповедник: остров Тонго там у вас отсосёт королева.

ОН. Я – известный дессидент меня надо брать НЕ как берут.

ГЕНЕРАЛ. НЕ ПОНИМАЮ.

ОНА. Тонга? Это где?

ГЕНЕРАЛ и ЮНОШИ моментально её окружают, и воркуют на разные голоса:

Вам надо быть киноактрисой, пить кофе, жевать жвачку, пить пиво, и поступить в консерваторию – ведь у вас обе бабушки пели – и все, как одна, тенорами.

ОН. Сопранами, жопы вы новый год. А ну, геть отсюда. (Ей). Чего глазами хлопаешь, глупая?! Тебя же разводят, а ещё старший капитан.

ОН. И ещё: никогда не дарите БУ-шную вещь, тем более на сорок, когда и дарить ни хрена нельзя: это правда, как правда то, что нельзя дарить плацкартный билет, провожая в светлое лоно нобелевских премий (мира, разумеется).

ОН. А зачем я поехал с похмелья в Шереметьево отвозить Бегемота?

ОНА. Потому что ему надо было улетать на самолёте.

ОН. Куда?

ОНА. В Самару.

ОН. Он улетел?

ОНА. Да.

ОН. А чьи это штаны с пропеллером лежат?

ОНА. Ой. Генерала.

ОН. Если бы у меня не было хуя, ты бы меня не полюбила.

ОНА. А ты бы меня не полюбил, если бы у меня не было пизды.

ОН.

_____ ОН. Ты ему дашь почитать?

ОНА. Кому?!

ОН. Генералу, бля!!!

ОНА. Тебе действительно было бы по кайфу, если бы я была ФСБ-шница.

ОН. Я бы поставил памятник этим спецслужбам.

Ебутся.

ОН. Вот так и ругаются над нашим братом писателем.

ОНА. У вас есть брат писатель?

ОН. Это ты сказала?

ОНА. Марк Твен.

Ни хуя себе.

Ебутьмся.

ОНА. Я вижу тебя Юлием. Которому народ кричит в коно хз ты
пророенял нас на неё!!!

ОН. Толпа.

Ебутся.

ОН. Стихи.

Владимиру Семёновичу.

Моя любовь – как двадцать тонн тратила,

Когда б мне перееть и недоеть.

И в ней такая ёбаная сила,

Чтоб сатане во чреве околеть.

ДТИ

ПНО